

Гаврилов Борис Яковлевич

профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, заслуженный
юрист Российской Федерации,
почетный работник сферы образования
Российской Федерации

Российская Федерация
Москва

125171, г. Москва, ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д.8

Gavrilov Boris Ya.

Professor of the Department
of Management of Crime Investigation
Agencies, Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian
Federation, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Honorary Worker
of Education of the Russian Federation

Russian Federation
Moscow

125171, Moscow, Zoya and Alexander
Kosmodemyanskikh str., 8

Статья

поступила в редакцию:
30.07.2026

одобрена после
рецензирования:
20.08.2026

принята к публикации:
21.09.2026

✉ profgavrilov@yandex.ru

SPIN-код (РИНЦ) 6464-9253

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2529-491X>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК: 343.985

Разграничение оперативного эксперимента и провокации преступления: алгоритм судебной проверки

Distinction between an operational experiment and provocation of a crime: an algorithm for judicial review

Аннотация. Актуальность. Разграничение оперативного эксперимента и провокации преступления обусловлено необходимостью совершенствования законодательства и правоприменительной практики использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. По мнению автора, внешнее соблюдение требований к форме оперативно-розыскного мероприятия не обеспечивает его фактической законности. Определяющее значение здесь должно иметь фактическое содержание взаимодействия между проверяемым лицом, оперативными сотрудниками, конфиденнтами и заявителями. На основе анализа законодательства, судебной практики Верховного Суда и Конституционного Суда Российской Федерации, а также научных источников предложена система критериев судебной проверки законности оперативного эксперимента, к числу которых отнесены предварительная обоснованность данного оперативно-розыскного мероприятия, источник инициативы, сформированность умысла, интенсивность воздействия, альтернативность поведения лица и судебная проверяемость имеющей место коммуникации. Делается вывод, что оперативный эксперимент допустим лишь тогда, когда он направлен на выявление, фиксацию или пресечение уже существующего преступного поведения, а не на создание правоохранительными органами условий для совершения преступления.

Целью статьи является совершенствование положений уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, а также правоприменительной и судебной практики использования в качестве доказательства по уголовному делу результатов такого оперативно-розыскного мероприятия, как оперативный эксперимент.

Выводы. В работе исследуется оперативно-розыскное мероприятие «Оперативный эксперимент» как средство доказывания по уголовным делам. Анализ проведен на основе норм уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, правовых позиций Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации, а также реальной следственной и судебной практики, что позволило автору разграничить законные действия сотрудников правоохранительных органов и провокацию преступления. Именно с этих позиций требования действующего законодательства, несмотря на имеющиеся в его содержании противоречия, не дающие в полной мере использовать результаты оперативного эксперимента в уголовном судопроизводстве, будут методологически верно

подчинены всеобщим законам диалектики. Их реализация в правоприменительной деятельности оперативных сотрудников, следователей, прокуроров и судей призвана обеспечить выявление, раскрытие преступлений, в том числе таких как получение или дача взятки и незаконный оборот наркотиков, их расследование и последующее судебное разбирательство при условии соблюдения требований закона при проведении данного оперативно-розыскного мероприятия и обеспечения тем самым прав и законных интересов лиц, подвергаемых государством уголовному преследованию.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность и ее результаты, оперативный эксперимент, провокация преступления, проверочная закупка, допустимость доказательств, оперативно-розыскные мероприятия, уголовный процесс, сформированность умысла.

Abstract. Relevance. The distinction between an operational experiment and a provocation of a crime is driven by the need to improve legislation and law enforcement practices regarding the use of operational investigative activity results in criminal evidence. The author assumes that the formal registration of an operational investigative measure, in terms of formal adherence to its form, does not in itself guarantee its legality. The decisive factor here should be the actual content of the interaction between the subject of the investigation, the operatives, the confidants, and the applicants. Based on an analysis of legislation, the case law of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as scientific sources, a system of criteria for judicial review of the legality of an operational experiment is proposed. These criteria include the preliminary justification for the operational investigative measure, the source of the initiative, the formation of intent, the intensity of the impact, the alternative nature of the individual's behavior, and the judicial verifiability of the communication. It is concluded that an operational experiment is permissible only when it is aimed at identifying, recording, or preventing existing criminal behavior, rather than at creating conditions for law enforcement agencies to commit a crime.

The purpose of this article is to improve the provisions of criminal procedure and operational-investigative legislation, as well as law enforcement and judicial practice regarding the use of the results of operational-investigative measures such as operational experiments as evidence in criminal cases.

Conclusions. The author's study of operational experiments as a category of investigative measures used in criminal proceedings was conducted taking into account not only the norms of criminal procedure and investigative legislation and the practice of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, but also the evolving investigative and judicial practice of using their results, which allows for their distinction from criminal provocation. It is from this perspective that the requirements of current legislation, despite the contradictions in its content that prevent the full use of operational experiment results in criminal proceedings, will be methodologically correctly subordinated to the universal laws of dialectics. Their implementation in law enforcement activities of operational officers, investigators, prosecutors and judges is intended to ensure the identification and disclosure of crimes, including such crimes as bribery and drug trafficking, their investigation and subsequent judicial proceedings, subject to compliance with the requirements of the law during the conduct of this operational-search activity and thereby ensuring the rights and legitimate interests of persons subject to criminal prosecution by the state.

Keywords: operational investigative activity and its results, operational experiment, provocation of a crime, verification purchase, admissibility of evidence, operational investigative measures, criminal process, formation of intent.

Для цитирования: Гаврилов Б.Я. Разграничение оперативного эксперимента и провокации преступления: алгоритм судебной проверки // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). – С. 58–66.

For citation: Gavrilov Boris Ya. Distinction between an operational experiment and provocation of a crime: an algorithm for judicial review // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – No 3 (7). – P. 58–66.

Введение. Несмотря на значительное количество научных исследований, проблема разграничения оперативного эксперимента и провокации преступления в теории уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности остается весьма актуальной. Особенно

актуальна необходимость разграничения данных правовых категорий при возбуждении уголовных дел о взяточничестве и незаконном обороте наркотических средств, их расследовании и последующем судебном разбирательстве с точки зрения обеспечения законности проведения оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «оперативный эксперимент» и признания его результатов в качестве доказательств по уголовному делу.

Основное содержание. Оперативный эксперимент занимает в российской практике деятельности правоохранительных органов особое место: он, как правило, реализуется там, где обычные способы выявления преступления часто оказываются недостаточными. Так, по уголовным делам о взяточничестве, коммерческом подкупе, посредничестве в совершении данных преступлений, а также незаконном обороте наркотических средств доказательственная картина нередко строится вокруг действий, которые проходили под контролем правоохранительных органов [4]. Само по себе в этом нет ничего незаконного, поскольку государство вправе не только реагировать на уже совершенные преступления, но и выявлять готовящиеся либо совершаемые деяния.

Проблема состоит в том, что между контролируемым выявлением преступного поведения и фактически искусственным созданием условий для совершения преступления существует тонкая грань. Если у лица созрел умысел на совершение преступления, а сотрудники лишь создают условия для фиксации его действий, то оперативный эксперимент, соответственно, выполняет свою законную функцию. Если же преступный умысел возникает в результате настойчивых предложений, оказанного давления, обещания выгоды или при использовании зависимости лица, государство перестает выявлять преступление и начинает его «производить». Конституционный статус задается здесь положениями о судебной защите, праве на защиту, презумпции невиновности и недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона.

В уголовном судопроизводстве эти гарантии реализуются через правила доказывания, состязательность сторон, свободу оценки доказательств и прямой запрет использования недопустимых доказательств. Для оценки результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – результаты ОРД) особенно важна ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹, устанавливающая запрет на использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законодательством.

С учетом изложенного, представляется актуальным сформулировать систему критериев, позволяющих отграничить правомерный оперативный эксперимент от провокации преступления. Для решения этой задачи необходимо уяснить правовую природу данного мероприятия, определить признаки провокации и установить критерии выявления умысла лица на совершение преступления. Кроме того, требуется проанализировать последствия признания оперативно-розыскных мероприятий незаконными и предложить алгоритм их судебной проверки.

Характеризуя правовую природу оперативного эксперимента, отметим, что согласно Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – Закон об ОРД) он относится к числу оперативно-розыскных мероприятий, однако закон не раскрывает его понятия и признаков. В результате правоприменитель вынужден реконструировать его правовую природу через цели и задачи ОРД, основания проведения

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12. 2001 № 174-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08. 1995 № 144-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ОРМ, запрет провокации и правила представления результатов ОРД следователю, дознавателю или суду.

В научных источниках оперативный эксперимент часто описывается как создание контролируемых условий, в которых проявляется преступное поведение лица [9]. Так, В.Н. Омелин связывает его с моделированием условий, оперативным контролем, воспроизведением ситуации и проверкой намерений лица, в отношении которого имеются данные о преступной деятельности [10], показывая тем самым активный характер оперативного эксперимента, поскольку он не сводится к пассивному наблюдению со стороны сотрудников, а наоборот, порождает их активность, чем создается риск подмены выявления преступления формированием оперативными сотрудниками условий его совершения.

В свою очередь, В.И. Шаров понимает оперативный эксперимент как включенное наблюдение в обстановке, способствующей проявлению события преступления, проводимое с целью получения доказательств преступной деятельности подозреваемого лица и исключающее провокационные действия наблюдателя [13], что переносит акцент с проверки способности человека совершить преступление (которая не может быть задачей ОРД) на фиксацию уже проявляющейся противоправной деятельности. Аналогичную позицию занимает и И.А. Королев [8], говоря о необходимости предоставления лицу возможности вариантного поведения в виде добровольного отказа от совершения преступления, что имеет принципиальное значение. Следовательно, оперативный эксперимент допустим не в силу одного лишь указания на него в законе или формального вынесения постановления, а в связи с единством его процессуальной формы и фактического содержания.

Ведя речь о сущности понятия и признаков провокации преступления [6; 12], следует указать на то, что провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности – это ситуация, при которой должностные лица правоохранительных органов либо лица, действующие под их контролем, не выявляют преступное поведение, а создают его. Следует обратить внимание на содержание ч. 8 ст. 5 Закона об ОРД, прямо запрещающей органам и должностным лицам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, а также фальсифицировать результаты ОРД.

В.А. Семенцов определяет провокацию в ОРД как действия субъектов этой деятельности, несовместимые с ее назначением [11], подчеркивая, что умысел объекта оперативно-розыскного мероприятия должен формироваться независимо от деятельности оперативных сотрудников, с чем следует согласиться, но с уточнением: независимость формирования умысла должна проверяться не декларативно, а по конкретным обстоятельствам взаимодействия. В этой связи суду следует не только установить факт согласия лица на совершение преступления, но и выяснить, кто первым инициировал преступный сценарий, как часто повторялись предложения, были ли отказы, чем мотивировалось согласие и имелись ли у оперативных сотрудников до проведения ОРМ сведения о преступной активности лица, проверяемого на причастность к совершению конкретного преступления.

Изложенное позволяет утверждать, что, например, по уголовным делам о коррупционных преступлениях передача денег под контролем правоохранительных органов может быть законной, если до этого должностное лицо само потребовало незаконное вознаграждение либо иным образом проявило готовность его получить. Иная оценка требуется, когда инициатива исходит от заявителя или конфиденнта, действующего по указанию оперативного сотрудника, а проверяемое лицо до вмешательства государства

не совершало действий, свидетельствующих о намерении получить незаконное вознаграждение.

В этой связи Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹ указал, что результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по делу о коррупционном преступлении, если они свидетельствуют о наличии у лица умысла, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих ОРД. Тем самым центральным становится вопрос о том, от кого исходила первичная инициатива, поскольку именно данное обстоятельство является определяющим в рассматриваемом контексте.

Переходя к критериям разграничения допустимого оперативного эксперимента и провокации преступления, выражающейся в незаконном склонении к совершению преступления, а также к критериям предварительной обоснованности проведенного ОРМ и полученного результата, следует исходить из того, что:

во-первых, у правоохранительных органов до начала оперативного эксперимента должны быть достаточные фактические сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления либо о лице, причастном к такой деятельности. В противном случае данное ОРМ превращается в проверку нравственной устойчивости лица, в связи с чем В.И. Шаров указывает, что проведение оперативного эксперимента при наличии лишь ориентирующей информации является неправомерным [13];

во-вторых, инициатива зарождения преступного поведения должна исходить от проверяемого лица, а оперативные сотрудники лишь ставят его дальнейшее поведение под контроль. По мнению В.Н. Омелина, оперативный эксперимент отличается от провокации тем, что не инициирует преступное поведение подозреваемого лица, а вмешивается в уже начавшуюся реализацию его преступного умысла [10], с чем, безусловно, следует согласиться;

в-третьих, сформированность умысла до вмешательства государства. Наличие такого умысла, однако, не может выводиться исключительно из того факта, что лицо в конечном счете приняло предложение. Иначе любое удавшееся склонение автоматически превращалось бы в доказательство виновности. В этой связи важную формулу содержит постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»². Суть его формулы в том, что результаты ОРМ могут использоваться в доказывании, если они свидетельствуют о наличии умысла, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих ОРД. А непосредственно сформированность умысла может подтверждаться предшествующими действиями лица, его инициативными переговорами, определением условий, например, получения взятки и др. И напротив, отсутствие таких признаков, особенно в сочетании с активным поведением оперативных сотрудников или конфиденнта, должно оцениваться в пользу версии о провокации;

в-четвертых, интенсивность воздействия на проверяемое лицо. Недопустимое склонение начинается там, где сотрудники или привлеченные ими лица, как отмечено выше,

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 09.06.2013 № 24 : в ред. от 09.12.2025 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15.06.2006 № 14 : в ред. от 16.05.2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

убеждают, уговаривают, повторяют предложение после отказа, обещают выгоду, используют зависимость или уязвимость лица. И в этой связи судебная проверка должна включать вопросы: были ли отказы; как на них реагировали участники проведения ОРМ; кто направлял (возвращал) разговор к преступному сценарию; предлагалась ли дополнительная выгода; создавалась ли ситуация срочности; использовались ли личные отношения;

в-пятых, доброкачественность оформления и проведения ОРМ, что предполагает наличие оснований, соблюдение условий проведения, вынесение постановления уполномоченным руководителем, фиксацию хода мероприятия и надлежащее представление результатов следователю или суду. Однако даже идеально оформленные результаты ОРД не могут легализовать ситуацию, если умысел фактически сформирован оперативными сотрудниками (особое значение в этой части приобретают требования межведомственной Инструкции о порядке представления результатов ОРД¹);

в-шестых, это обеспечение возможности судебной проверки всей значимой коммуникации. Суд должен иметь возможность установить, как возник преступный сценарий, кто управлял его развитием, какие действия совершали сотрудники и привлеченные лица, какие слова произносились, какие отказы или сомнения выражались проверяемым лицом. В этой связи К.К. Клевцов отмечает, что отсутствие провокации может подтверждаться не только показаниями оперативных сотрудников, но и изучением оперативно-служебных документов, сведений об основаниях, условиях и порядке проведения ОРМ, приложенных предметов, документов и электронных носителей [7]. Если ключевые переговоры не записаны, начало коммуникации скрыто, а наиболее важные обстоятельства подтверждаются только словами заинтересованных участников ОРМ, сомнения в этом случае должны толковаться в пользу подозреваемого, обвиняемого, что, однако, не означает автоматического признания провокации.

В заключение анализа данной составляющей описываемой проблемы оперативного эксперимента отметим последствия признания его провокационным. Они состоят в том, что полученные результаты не могут использоваться в доказывании. Здесь действует не только специальный запрет, связанный с проведением ОРД, но и основной принцип уголовного процесса о том, что доказательства, полученные с нарушением закона, недопустимы и не имеют юридической силы.

Особенность результатов ОРД состоит в том, что они сами по себе не тождественны уголовно-процессуальным доказательствам. В доктрине по этому вопросу существуют разные позиции. В частности, автор настоящей публикации [1; 2; 3] отмечает, что использование результатов ОРД в доказывании возможно в совокупности с иными доказательствами, при соблюдении требований закона, в том числе с учетом решений Европейского Суда по правам человека.

В свою очередь, Е.А. Доля [5] проводит более строгую мысль: результаты ОРД могут служить основой для формирования доказательств, но сами по себе доказательствами не являются. По этому вопросу Конституционный Суд Российской Федерации² указывает,

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (зарегистрирован в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью восьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.04.2020 № 1093-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а сведениями об источниках фактов, которые могут стать доказательствами только после надлежащего процессуального закрепления.

Особое внимание следует уделить практике Верховного Суда Российской Федерации по выработке критериев оценки провокации при проведении оперативного эксперимента. В ней существенное значение имеют не только общие разъяснения Пленума Верховного Суда, но и конкретные судебные акты, в которых суд оценивал фактическую необходимость продолжения оперативных мероприятий, наличие самостоятельного умысла лица и пределы допустимого поведения сотрудников правоохранительных органов.

Значимым примером здесь является постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2012 № 131-П12¹, в котором исследован вопрос осуждения лица за несколько эпизодов покушения на сбыт наркотиков, выявленных в ходе нескольких проведенных проверочных закупок. По этому делу защита указывала, что после первой закупки сотрудники уже располагали необходимыми данными о преступной деятельности и могли пресечь противоправное поведение, однако вместо этого организовали новые аналогичные мероприятия, с чем данная судебная инстанция согласилась, указав, что последующие проверочные закупки не были обусловлены оперативной необходимостью.

Изложенная позиция Верховного Суда Российской Федерации позволяет говорить о том, что задачи ОРД состоят не в искусственном выявлении новых эпизодов, а в предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений. Поэтому каждое новое ОРМ требует самостоятельного основания и должно быть направлено на достижение задач ОРД, а не на искусственное создание дополнительных эпизодов обвинения, что на практике имеет распространенный характер в погоне за показателями работы правоохранительных органов.

Но еще более актуальным с правовой точки зрения и крайне негативным для лица, привлекаемого в данном случае к уголовной ответственности за совершение не одного, а в силу указанного, нескольких преступлений, является то обстоятельство, что суд при назначении наказания в этом случае применяет положения ст. 69 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)² о сложении наказаний по совокупности совершения преступлений. На практике это приводит к назначению в ряде случаев необоснованно высоких мер уголовного наказания в виде лишения свободы за незаконный оборот наркотиков.

Самостоятельным источником в обязательном разъяснении для коррупционных составов преступлений является п. 36.3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24³. В нем закреплено правило о том, что результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по делу о коррупционном преступлении, если они получены и переданы в соответствии с законом и свидетельствуют о наличии у лица умысла на получение или дачу взятки, коммерческий подкуп либо посреднические действия, сформировавшегося независимо от деятельности

¹ Производство по делу о покушении на незаконный сбыт наркотических средств в части осуждения виновного по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228-1 УК РФ прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Судебные акты по делу изменены: из наказания по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228-1 УК РФ исключено осуждение виновного за покушение на незаконный сбыт наркотических средств по одному из эпизодов; смягчено назначенное наказание : постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2012 № 131-П12 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24.05.1996 : одобрен Советом Федерации 05.06.1996 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 09.07.2013 № 24 : в ред. от 09.12. 2025 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сотрудников органов, осуществляющих ОРД, и при этом судом проверена законность и обоснованность каждого оперативно-розыскного мероприятия. Этот пункт следует сделать одним из центральных нормативно-судебных оснований. Он позволяет перенести критерий самостоятельного формирования умысла из уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств в сферу взяточничества, коммерческого подкупа и посредничества в этих противоправных действиях.

Заключение. Подводя итог изложенному, в качестве выводов следует констатировать, что оперативный эксперимент должен считаться допустимым только при одновременном наличии трех базовых условий: *первое* – предварительная обоснованность, означающая, что до начала мероприятия должны существовать проверяемые сведения о преступной активности лица, а сам оперативный эксперимент не может быть средством проверки законопослушности гражданина; *второе* – пассивно-контролируемый характер поведения сотрудников, который не означает, однако, полной пассивности; *третье* – судебная проверяемость проведенного оперативного эксперимента.

В заключение возможно констатировать, что изложенные выше предложения сводятся к тому, что в судебной практике следует закрепить более четкий алгоритм проверки доводов о провокации; необходимо усилить значение полной аудио- и видеофиксации ключевых этапов оперативного эксперимента; при отсутствии проверяемой фиксации начальной стадии контакта сомнения относительно источника инициативы и сформированности умысла должны толковаться в пользу обвиняемого; целесообразно рассмотреть возможность принятия отдельного разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о критериях разграничения допустимого оперативного эксперимента и провокации либо включения соответствующих положений в обзор судебной практики; при представлении результатов ОРД следователю или в суд необходимо уделять особое внимание не только итоговым материалам, но и сведениям о происхождении оперативной информации: когда она получена, кем, на каком основании проверена, какие действия предшествовали проведению оперативного эксперимента.

Список литературы / References

1. Гаврилов, Б.Я., Боженко, С.Я. К вопросу о провокации преступлений // Российская юстиция. – 2006. – № 5. – С. 44–50. EDN: HTEWIT.
Gavrilov, B.Ya., Bozhenok, S.Ya. On the issue of provocation of crimes // Russian Justice. – 2006. – No. 5. – Pp. 44–50. EDN: HTEWIT.
2. Гаврилов, Б.Я., Боженко, С.Я. О разграничении оперативно-розыскных мероприятий и провокации преступления (с учетом решения Европейского Суда по правам человека) // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. – 2006. – № 3. – С. 17–29.
Gavrilov, B.Ya., Bozhenok S.Ya. On the distinction between operational search measures and provocation of a crime (taking into account the decision of the European Court of Human Rights) // Newsletter of the Investigative Committee under the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2006. – No. 3. – Pp. 17–29.
3. Гаврилов, Б.Я., Урбан, В.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: законодательное регулирование и проблемы правоприменения // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 151–156. EDN: YSIIQP.
Gavrilov, B.Ya., Urban, V.V. The use of the results of operational investigative activities in criminal proceedings: legislative regulation and problems of law enforcement // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 4 (48). – Pp. 151–156. EDN: YSIIQP.
4. Гармаев, Ю.П. Защитные версии о провокации и об отсутствии оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16. – № 3. – С. 930–937. DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(3).930-937. EDN: XCNWPS.
Garmaev, Yu.P. Protective versions about provocation and the absence of grounds for conducting operational search activities // Baikal Research Journal. – 2025. – Vol. 16. – No. 3. – Pp. 930–937. DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(3). EDN: XCNWPS.
5. Доля, Е.А. Оперативная информация: происхождение и соотношение с доказательствами // Законность. – 2012. – № 10. – С. 46–51. EDN: PHCWHV.
Dolya, E.A. Operational information: origin and relation to evidence // Legality. – 2012. – No. 10. – Pp. 46–51. EDN: PHCWHV.

6. Жарких, И.А. Актуальные вопросы разграничения правомерного оперативно-розыскного мероприятия и провокации преступления // Уголовное право. – 2021. – № 2 (126). – С. 19–24. EDN: SLKTIN.
Zharkikh, I.A. Actual issues of differentiation of lawful operational search activity and provocation of crime // Criminal law. – 2021. – № 2 (126). – Pp. 19–24. EDN: SLKTIN.
7. Клевцов, К.К. Оперативно-розыскная деятельность: дискуссионные вопросы // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 1 (59). – С. 66–72. EDN: KSCMMZ.
Klevtsov, K.K. Operational investigative activities: controversial issues // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (59). – Pp. 66–72. EDN: KSCMMZ.
8. Королев, И.А. Оперативный эксперимент и провокация: вопросы теории и практики // Закон и право. – 2021. – № 3. – С. 155–157. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-3-155-157. EDN: TTWDPD.
Korolev, I.A. Operational experiment and provocation: issues of theory and practice // Law and Pravo. – 2021. – No. 3. – Pp. 155–157. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-3-155-157. EDN: TTWDPD.
9. Кучин, О.С. Проблемы ОРД: оперативный эксперимент // Союз криминалистов и криминологов. – 2025. – № 1. – С. 154–161. DOI: 10.31085/2310-8681-2025-1-240-154-161. EDN: MLHZPO.
Kuchin, O.S. Problems of the ORD: an operational experiment // Union of Criminologists and Criminologists. – 2025. – No. 1. – Pp. 154–161. DOI 10.31085/2310-8681-2025-1-240-154-161. EDN: MLHZPO.
10. Омелин, В.Н. Оперативный эксперимент: понятие и правила проведения, исключающие провокацию преступления // Право и управление. – 2024. – № 9. – С. 392–395. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-9-392-395. EDN: EGD XOQ.
Omelin, V.N. Operational experiment: the concept and rules of conducting, excluding provocation of a crime // Law and management. – 2024. – No. 9. – Pp. 392–395. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-9-392-395. EDN: EGD XOQ.
11. Семенцов, В.А. Провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 4. – С. 45–53. DOI: 10.31085/2310-8681-2020-4-208-45-53. EDN: DKRDCR.
Sementsov, V.A. Provocation of a crime in operational investigative activities // Union of Criminologists and Criminologists. – 2020. – No. 4. – Pp. 45–53. DOI: 10.31085/2310-8681-2020-4-208-45-53. EDN: DKRDCR.
12. Титова, А.С. Провокация преступления в уголовном праве Российской Федерации: содержание, классификация и правовая оценка // Научные исследования преступления и наказания. – 2025. – № 2 (2). – С. 6–16. EDN: JWUMXT.
Titova, A.S. Provocation of a crime in the criminal law of the Russian Federation: content, classification and legal assessment // Scientific research of crime and punishment. – 2025. – № 2 (2). – Pp. 6–16. EDN: JWUMXT.
13. Шаров, В.И. Оперативный эксперимент: о понятии и формальных основаниях его проведения // Юридическая техника. – 2025. – № 19. – С. 532–537. EDN: GOUKSU.
Sharov, V.I. Operational experiment: on the concept and formal grounds for its implementation // Legal technique. – 2025. – No. 19. – Pp. 532–537. EDN: GOUKSU.